

НАУКА

СИБИРСКИЙ ВАРИАНТ

Совместный выпуск СО РАН и «Советской Сибири»

Живая тектоника

На столе лежат три книги. Уже прочитанные. Но на полку ставить их не спешу. Если поставлю, то, кажется, что впечатление пропадет. Книги очень хорошие и поучительные. Изданы они крошечным академическим тиражом — пятьсот экземпляров. Это воспоминания об ученых. И написаны они не так, как часто бывает.

— Трудно понять, — замечает на страницах одной из книг доктор геолого-минералогических наук Валерий Сулейманович Имаев, — почему живые воспоминания... о ярких личностях ученых, встреченных на жизненном пути, с годами становятся все более и более официальными, а сами образы как бы утрачивают черты узнаваемости и все больше приобретают облик сухих, аскетичных ученых...

Заверяю вас, что книги о выдающихся геологах Восточной Сибири — членах-корреспондентах АН СССР Николае Александровиче Флоренсове, Михаиле Михайловиче Одинцове и Викторе Прокопьевиче Солоненко не того, «сухого», образца. Их читаешь залпом, и, будь моя воля, то издал бы их массовым тиражом. Особенно в расчете на молодежь, потому что выдающиеся ученые тогда, особенно в Сибири, были в быту очень скромными людьми. Да еще немедленно откликающимся на помощь, если это требовалось для развития науки или поддержки бедствующих аспирантов, положим.

Для подтверждения написанного приведу несколько фактов. Профессор М. М. Одинцов, впоследствии многолетний директор института земной коры, при массовых пожарах в якутской тайге и задымленности, все-таки добирался до своей экспедиции. А еще он летел на самолете, у которого отвалился пропеллер. Когда приземлились все же, пришлось долго выбирать из тайги. Это был человек, напоминающий интеллектуальную и физическую глыбу.

Одинцов мог часами читать наизусть среди своих учеников и друзей стихи русских поэтов, которые либо были расстреляны советской властью, либо десятилетиями не издавались. Впрочем, он и сам писал стихи. Его по праву считали отцом сибирских алмазов. Именем Одинцова названа одна из кимберлитовых трубок, а именной ювелирный алмаз массой в 119,5 карата был назван «Профессор М. М. Одинцов». Когда основатель института земной коры Н. А. Флоренсов стал новым членом академии, то именно Одинцов распорядился купить для его кабинета большой и толстый

ковер. Интеллигентный Н. А. Флоренсов засмутился и спросил: «Ну, зачем это надо?»

— Ты, Коля, первый член академии среди иркутских геологов. Тебе положено. И не возражай.

Этот ковер до сих пор лежит в том же самом кабинете. Упоминаю об этом... смущении и событиях по тем временам, потому что выдающиеся ученые тогда, особенно в Сибири, были в быту очень скромными людьми. Да еще немедленно откликающимся на помощь, если это требовалось для развития науки или поддержки бедствующих аспирантов, положим.

Н. А. Флоренсов, М. М. Одинцов и В. П. Солоненко приходили в науку разными путями и имели разные характеры, но были похожи в одном — в благородстве поступков и в исключительной требовательности к делу, которым они занимались. Да и диапазон их увлечений удивляет широтой. Н. А. Флоренсов тоже до фанатизма любил поэзию. Этот геолог, писавший труды о геологических деструкциях, о Байкале, как об окне в недра Земли, о крупных сдвигах геологии в познании Монголии и о главных чертах неотектоники и сейсмогеологии этой страны, выпустил еще и труд... о Троянской войне и поэмах Гомера, которого Н. А. Флоренсов глубоко чтит наряду с А. С. Пушкиным. Эти коллеги и друзья по жизни были, в сущности, энциклопедистами.

Виктор Прокопьевич Солоненко тоже был не менее (если не более) оригинальным человеком. Он обладал пробивной способностью... слона, ни перед кем не отступал, ни перед кем не тушевался и ради науки решался на то, на что далеко не каждый ученый рискнул бы. Это был неукротимый боец. Его прямолинейность и нена-

Институт земной коры СО РАН.

висть к приспособленчеству не знала границ. Он десятки раз спорил с московскими чиновниками о необходимости повышения уровня сейсмической опасности для разных территорий в Сибири. И «понадобилось» десятибалльное Муйское землетрясение, потрясшее все Становое нагорье к северо-востоку от Байкала, чтобы окончательно похоронить «расчеты» московских чиновников и специалистов. Его жизнь тоже была «Живой тектоникой» — так назвал свою монографию В. П. Солоненко.

Ученые в своих воспоминаниях называют его «гениальным организатором». А его гениальность выразалась просто: когда у государства в очередной раз «финансы пели романсы» и не было денег на экспедиции и науку, В. П. Солоненко пошел в сберкассу и снял все свои сбережения для проведения экспедиции.

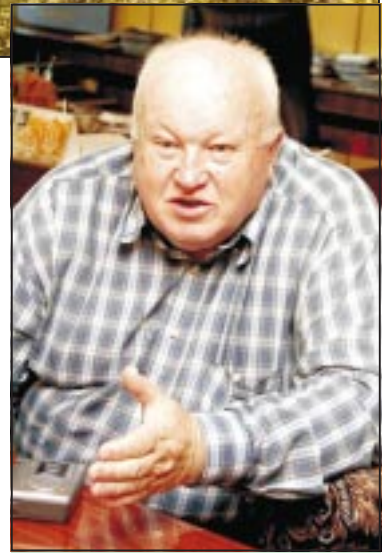
Как-то Виктор Прокопьевич узнал, что в Министерстве энергетики обсуждается возможность строительства атомной станции в поселке Тикси на берегу моря Лаптевых. Он сразу же выступил против, обосновав свою точку зрения. Обсуждение этого проекта шло на корабле, на котором вместе с учеными плыло и немало ответственных работников, в том числе и из ЦК КПСС.

В разговоре В. П. Солонен-

ко, раздосадованный дикой идеей, сказал, что нынешний министр энергетики «весьма глупый и чванливый бюрократ». Один из участников дискуссии понизил голос и показал пальцем и глазами куда-то вверх. В. П. Солоненко непонимающе посмотрел на него и громко, внятно, чтобы все слышали, добавил, что Леонид Ильич Брежнев точно такой же дурак, как и его министр, и «я готов сказать ему это в лицо». Дискуссия сразу заглохла, и стало заметно, прочел я в книге, как «стыдливо уходят ответственные товарищи».

Это сейчас карикатурят Л. И. Брежнева как хотят. А тогда надо было иметь мужество, чтобы оценить Генерального секретаря так, как это сделал неукротимый В. П. Солоненко. Бесхарактерных среди них не было. Они дружили и соревновались. В частности, между М. М. Одинцовым и Н. А. Флоренсовым соревнование не прекращалось всю жизнь: в науке, в поэзии и в успехах.

Вот такие они были, отцы-основатели научных школ в иркутском институте земной коры, где мы и проводили «круглый стол». Дискуссию открыл директор института член-корреспондент РАН Евгений Викторович Скляров. Он добавил (к уже упомянутому) научные школы недавно умершего директора института академика Николая Алексеевича Логачева (ученика Н. А. Флоренсова), члена-корреспондента Евгения Викторовича Пиннекера и никогда «не высывавшегося» и не занимавшего никаких высоких постов, но очень влиятельного в науке профессора Андрея Алексеевича Трескова, который в институте основал эффективно работающую сейсмологическую и геофизическую школу. А директор института Е. В. Скляров вышел из другой научной школы. Он ученик академика Николая Леонтьевича Добрецова. При встречах в Иркутске не раз обнаруживал и кадровое, и научное «перекрещивание» этого города с нашим Новосибирском.

Академик Феликс Летников.

Кredo академика Феликса Летникова

— Институт земной коры, — рассказывал директор, — задумывался как комплексный. Каждая научная ветвь дополняла другую. У нас «много»... геологий: гидрогеология, инженерная геология, петрология, геофизика и т.д. Мы развивались по разным направлениям, но стремились по обыкновению к общим целям. Одной из наших школ руководит академик Феликс Артемьевич Летников.

Отчасти он представляет на «круглом столе» государственную систему, как председатель совета наук о Земле по научным школам.

— Заверяю вас, — сказал Ф. А. Летников с ухмылкой, — что это ... собачья работа. Представьте, что сейчас в стране официально функционируют 83 научные школы только в науках о Земле. Новый наш министр, по фамилии Фурсенко, а по прозвищу в академической среде... Швондер, считает, что со всеми школами надо разбираться. А мы этим целых пять лет занимались еще до него. В наш совет входит девятнадцать академиков и членов-корреспондентов РАН.

(Продолжение на 8—9-й стр.)

